

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
ПЗ7

Платонов, Сергей Федорович

ПЗ7 Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 718 [2] с.: ил. – (*Иллюстрированная история*).

ISBN 978-5-17-097321-7

«Полный курс лекций по русской истории» — фундаментальное издание, в основу которого легли лекции, прочитанные С.Ф. Платоновым в Петербургском университете и на Бестужевских курсах. После очерков Д.И. Иловайского лекции С.Ф. Платонова стали самым подробным обобщающим изданием, в котором огромный период российской истории — от расселения славян в Европе до Великих реформ императора Александра II — был представлен ясно, образно, увлекательно. Этот курс лекций выдержал до 1917 года около 20 изданий.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-17-097321-7

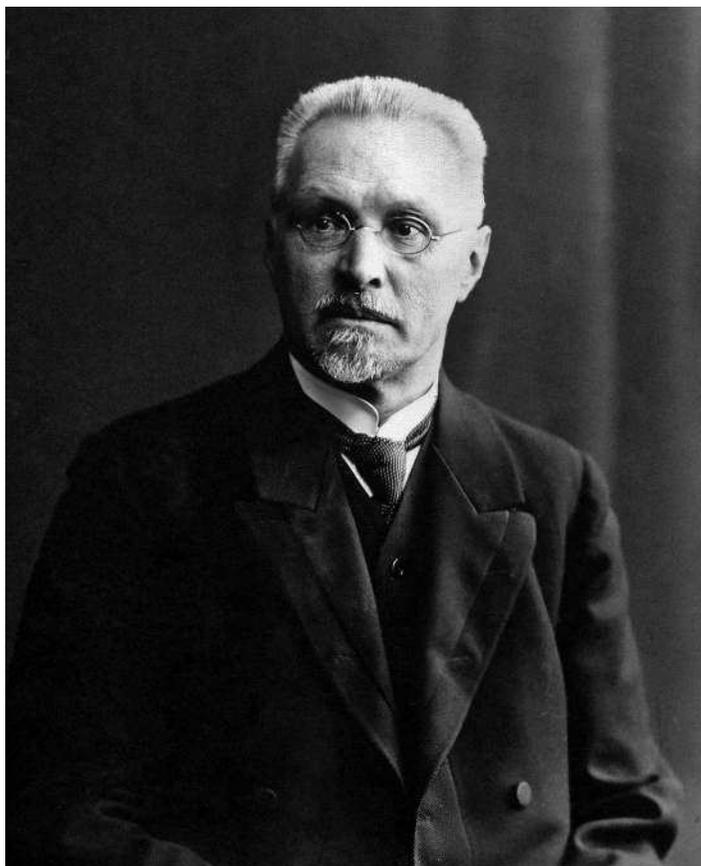
© ООО «Издательство АСТ», 2017

С.Ф. ПЛАТОНОВ

ПОЛНЫЙ КУРС
ЛЕКЦИЙ
ПО РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Издательство АСТ
Москва

Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — русский историк. В 1882 г. после окончания университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1890 г. Платонов стал профессором русской истории Петербургского университета. Его докторской диссертацией стала книга «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.», которую Платонов считал «высшим научным достижением всей жизни», определившим его «место в среде деятелей русской историографии». Умевший кратко, ясно, интересно излагать материал, Платонов стал одним из виднейших профессоров начала XX в.

В 1895–1902 гг. Платонов был приглашенным преподавателем истории к великим князьям. В 1903 г. он возглавил Женский педагогический институт. Неоднократно переиздавался его лекционный курс русской истории, ежегодно — учебники для средней школы. В 1908 г. Платонов стал членом-корреспондентом Академии наук, а в 1920 г. был избран академиком.

В 1930 г. Платонов был арестован большевиками за монархические взгляды. Умер в ссылке в Самаре.

ВВЕДЕНИЕ

(ИЗЛОЖЕНИЕ КОНСПЕКТИВНОЕ)

Наши занятия русской историей уместно будет начать определением того, что именно следует понимать под словами историческое знание, историческая наука. Уяснив себе, как понимается история вообще, мы поймем, что нам следует понимать под историей одного какого-либо народа, и сознательно приступим к изучению русской истории.

История существовала в глубокой древности, хотя тогда и не считалась наукой. Знакомство с античными историками, Геродотом и Фукидидом, например, покажет вам, что греки были по-своему правы, относя историю к области искусств. Под историей они понимали художественный рассказ о достопамятных событиях и лицах. Задача историка состояла у них о том, чтобы передать слушателям и читателям вместе с эстетическим наслаждением и ряд нравственных назиданий. Те же цели преследовало и искусство.

При таком взгляде на историю, как на художественный рассказ о достопамятных событиях, древние историки держались и соответствующих приемов изложения. В своем повествовании они стремились к правде и точности, но строгой объективной мерки истины у них не существовало. У глубоко правдивого Геродота, например, много басен (о Египте, о Скифах и т. под.); в одних он верит, потому что не знает пределов естественного, другие же, и не веря в них, заносит в свой рассказ, потому что они прельщают его своим художественным интересом. Мало этого, античный историк, верный своим художественным задачам, считал возможным украшать повествование сознательным вымыслом. Фукидид, в правдивости которого мы не сомневаемся, влагает в уста своих героев речи, сочиненные им самим, но он считает себя правым в силу того, что верно передает в измышленной форме действительные намерения и мысли исторических лиц.

Таким образом, стремление к точности и правде в истории было до некоторой степени ограничиваемо стремлением к художественности и занимательности, не говоря уже о других условиях, мешавших историкам с успехом различать истину от басни. Несмотря на это, стремление к точному знанию уже в древности требует от историка прагматизма. Уже у Геродота мы наблюдаем проявление этого прагматизма, т.е. желание связывать факты причинною связью, не только рассказывать их, но и объяснять из прошлого их происхождение.

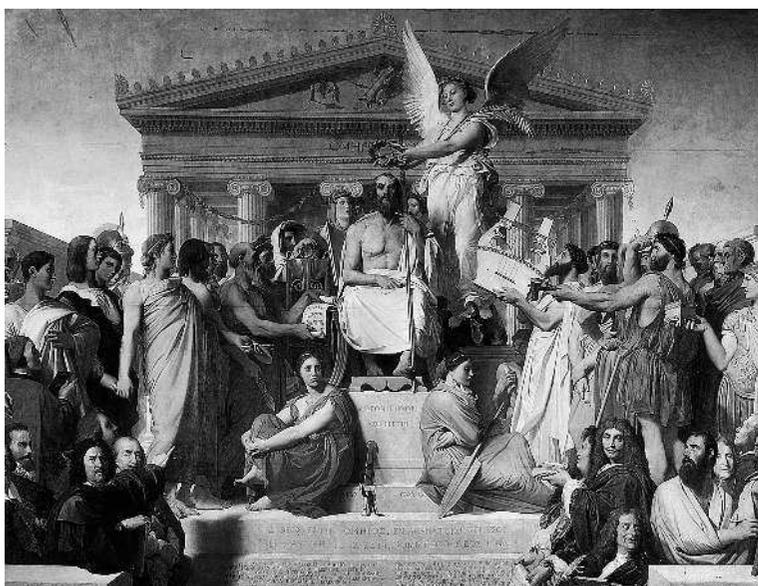
Итак, на первых порах история определяется как художественно-прагматический рассказ о достопамятных событиях и лицах.

Ко временам глубокой древности восходят и такие взгляды на историю, которые требовали от нее, помимо художественных впечатлений, практической при-

Ф. А. Бронников. Гимн пифагорейцев восходящему солнцу

ложимости. Еще древние говорили, что история есть наставница жизни (*magistra vitae*). От историков ждали такого изложения прошлой жизни человечества, которое бы объясняло события настоящего и задачи будущего, служило бы практическим руководством для общественных деятелей и нравственной школой для прочих людей. Такой взгляд на историю во всей силе держался в средние века и дожил до наших времен; он, с одной стороны, прямо сближал историю с моральной философией, с другой — обращал историю в «скрижаль откровений и правил» практического характера. Один писатель XVII в. (*De Rocoles*) говорил, что «история исполняет обязанности, свойственные моральной философии, и даже в из-

Ж.-Д. Энгр.
Апофеоз Гомера

вестном отношении может быть ей предпочтена, так как, давая те же правила, она присоединяет к ним еще и примеры». На первой странице «Истории государства Российского» Карамзина найдете выражение той мысли, что историю необходимо знать для того, «чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье».

С развитием западноевропейской философской мысли стали слагаться новые определения исторической науки. Стремясь объяснить сущность и смысл жизни человечества, мыслители обращались к изучению истории или с целью найти в ней решение своей задачи, или же с целью подтвердить историческими данными свои отвлеченные построения. Сообразно с различными философскими системами, так или иначе определялись цели и смысл самой истории. Вот некоторые из подобных определений: Боссюэт (1627—1704) и Лоран (1810—1887) понимали историю как изображение тех мировых событий, в которых с особенною яркостью выражались пути Провидения, руководящего человеческою жизнью в своих целях. Итальянец Вико (1668—1744) задачею истории как науки считал изображение тех одинаковых состояний, которые суждено переживать всем народам. Известный философ Гегель (1770—1831) в истории видел изображение того процесса, которым «абсолютный дух» достигал своего самопознания (Гегель всю мировую жизнь объяснял как развитие этого «абсолютного духа»). Не будет ошибкою сказать, что все эти философии требуют от истории в сущности одного и того же: история должна изображать не все факты прошлой жизни человечества, а лишь основные, обнаруживающие ее общий смысл.

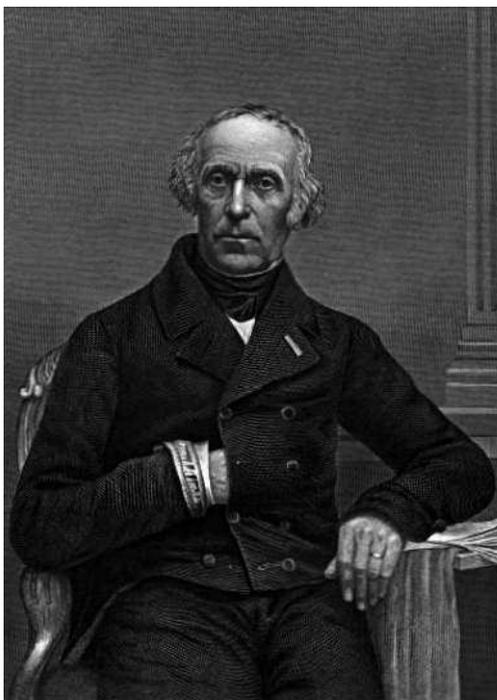
Этот взгляд был шагом вперед в развитии исторической мысли, — простой рассказ о былом вообще или случайный набор фактов различного времени и места для доказательства назидательной мысли не удовлетворял более. Появилось стремление к объединению изложения руководящей идеей, систематизированию исторического материала. Однако философскую историю справедливо упрекают в том, что она руководящие идеи исторического изложения брала вне истории

Джамбаттиста Вико

Жак Бенинь Боссюэт

Франсуа Пьер Гийом Гизо

и систематизировала факты произвольно. От этого история не становилась самостоятельной наукой, а обращалась в прислужницу философии.

Наукою история стала только в начале XIX века, когда из Германии, в противовес французскому рационализму, развился идеализм: в противовес французскому космополитизму, распространились идеи национализма, деятельно изучалась национальная старина и стало господствовать убеждение, что жизнь человеческих обществ совершается закономерно, в таком порядке естественной последовательности, который не может быть нарушен и изменен ни случайностями, ни усилиями отдельных лиц. С этой точки зрения главный интерес в истории стало представлять изучение не случайных внешних явлений и не деятельности выдающихся личностей, а изучение общественного быта на разных ступенях его развития. История стала пониматься как наука о законах исторической жизни человеческих обществ.

Это определение различно формулировали историки и мыслители. Знаменитый Гизо (1787—1874), например, понимал историю как учение о мировой и национальной цивилизации (понимая цивилизацию в смысле развития гражданского общежития). Философ Шеллинг (1775—1854) считал национальную историю средством познания «национального духа». Отсюда выросло распространенное определение истории как пути к народному самосознанию. Явились далее попытки понимать историю как науку, долженствующую раскрыть общие законы развития общественной жизни вне приложения их к известному месту, времени и народу. Но эти попытки, в сущности, присваивали истории задачи другой науки — социологии. История же есть наука, изучающая конкретные факты в условиях именно времени и места, и главной целью ее признается систематическое изображение развития и изменений жизни отдельных исторических обществ и всего человечества.

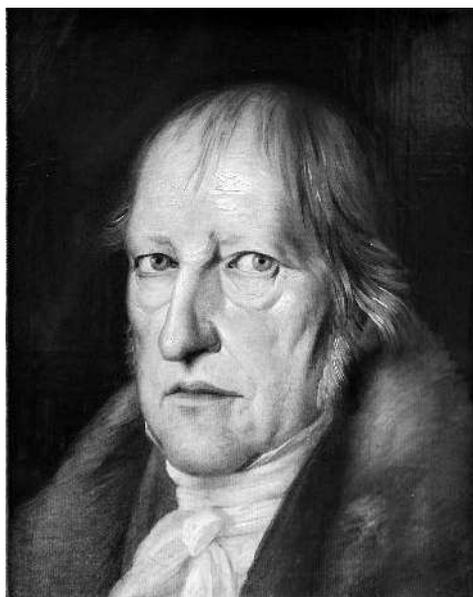
Такая задача требует многого для успешного выполнения. Для того чтобы дать научно-точную и художественно-цельную картину какой-либо эпохи народной жизни или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину. Те способы, которыми историки достигают указанных частных целей, называются научными критическими приемами. Приемы эти совершенствуются с развитием исторической науки, но до сих пор ни эти приемы, ни сама наука истории не достигли полного своего развития. Историки не собрали и не изучили еще всего материала, подлежащего их ведению, и это дает повод говорить, что история есть наука, не достигшая еще тех результатов, каких достигли другие, более точные, науки. И, однако, никто не отрицает, что история есть наука с широким будущим.

С тех пор, как к изучению фактов всемирной истории стали подходить с тем сознанием, что жизнь человеческая развивается закономерно, подчинена вечным и неизменным отношениям и правилам, — с тех пор идеалом историка стало раскрытие этих постоянных законов и отношений. За простым анализом исторических явлений, имевших целью указать их причинную последовательность, открылось более широкое поле — исторический синтез, имеющий целью воссоздать общий ход всемирной истории в ее целом, указать в ее течении такие законы последовательности развития, которые были бы оправданы не только в прошлом, но и в будущем человечества.

Этим широким идеалом не может непосредственно руководиться русский историк. Он изучает только один факт мировой исторической жизни — жизнь своей национальности. Состояние русской историографии до сих пор таково, что иногда налагает на русского историка обязанность просто собирать факты и давать им первоначальную научную обработку. И только там, где факты уже собраны и освещены, мы можем возвыситься до некоторых исторических обобщений, можем

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Герард Фридрих Миллер

подметить общий ход того или другого исторического процесса, можем даже на основании ряда частных обобщений сделать смелую попытку — дать схематическое изображение той последовательности, в какой развивались основные факты нашей исторической жизни. Но далее такой общей схемы русский историк идти не может, не выходя из границ своей науки. Для того чтобы понять сущность и значение того или другого факта в истории Руси, он может искать аналогии в истории всеобщей; добытыми результатами он может служить историку всеобщему, положить и свой камень в основание общеисторического синтеза. Но этим и ограничивается его связь с общей историей и влияние на нее. Конечной целью русской историографии всегда остается построение системы местного исторического процесса.

Построением этой системы разрешается и другая, более практическая задача, лежащая на русском историке. Известно старинное убеждение, что национальная история есть путь к национальному самосознанию. Действительно, знание прошлого помогает понять настоящее и объясняет задачи будущего. Народ, знакомый со своею историей, живет сознательно, чуток к окружающей его действительности и умеет понимать ее. Задача, в данном случае можно выразиться — долг национальной историографии, заключается в том, чтобы показать обществу его прошлое в истинном свете. При этом нет нужды вносить в историографию какие бы то ни было предвзятые точки зрения; субъективная идея не есть идея научная, а только научный труд может быть полезен общественному самосознанию. Оставаясь в сфере строго научной, выделяя те господствующие начала общественного быта, которые характеризовали собою различные стадии русской исторической жизни, исследователь раскроет обществу главнейшие моменты его исторического бытия и этим достигнет своей цели. Он даст обществу разумное знание, а приложение этого знания зависит уже не от него.

Так, и отвлеченные соображения и практические цели ставят русской исторической науке одинаковую задачу — систематическое изображение русской исторической жизни, общую схему того исторического процесса, который привел нашу национальность к ее настоящему состоянию.

ОЧЕРК РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Когда же началось систематическое изображение событий русской исторической жизни и когда русская история стала наукой? Еще в Киевской Руси, наряду с возникновением гражданственности, в XI в. появились у нас первые летописи. Это были перечни фактов, важных и не важных, исторических и не исторических, вперемежку с литературными сказаниями. С нашей точки зрения, древнейшие летописи не представляют собою исторического труда; не говоря о содержании — и самые приемы летописца не соответствуют теперешним требованиям. Зачатки историографии у нас появляются в XVI в., когда исторические сказания и летописи стали впервые свертать и сводить в одно целое. В XVI в. сложилась и сформировалась Московская Русь. Сплотившись в единое тело, под властью единого московского князя, русские старались объяснить себе и свое происхождение, и свои политические идеи, и свои отношения к окружающим их государствам.

И вот в 1512 г. (по-видимому, старцем Филофеем) составляется хронограф, т.е. обозрение всемирной истории. Большая часть его заключала в себе переводы с греческого языка и только как дополнения внесены русские и славянские исторические сказания. Хронограф этот краток, но дает достаточный запас исторических сведений; за ним появляются и вполне русские хронографы, представляющие собою переработку первого. Вместе с ними возникают в XVI в. летописные своды, составленные по древним летописям, но представляющие не сборники механически сопоставленных фактов, а произведения, связанные одной общей идеей. Первым таким произведением была «Степенная книга», получившая такое название потому, что она разделялась на «поколения» или на «степени», как их тогда называли. Она передавала в хронологическом, последовательном, т.е. «постепенном» порядке деятельность русских митрополитов и князей, начиная с Рюрика. Автором этой книги ошибочно считали митрополита Киприана; она была обработана митрополитами Макарием и его преемником Афанасием при Иване Грозном, т.е. в XVI в. В основании «Степенной книги» лежит тенденция и общая и частная. Общая проглядывает в желании показать, что власть московских князей есть не случайная, а преемственная, с одной стороны, от южнорусских, киевских князей, с другой — от византийских царей. Частная же тенденция сказалась в том уважении, с каким неизменно повествуется о духовной власти. «Степенная книга» может быть названа историческим трудом в силу известной системы изложения. В начале XVI в. был составлен другой исторический труд — «Воскресенская летопись», более интересная по обилию материала. В основание ее легли все прежние летописи, «Софийский временник» и иные, так что фактов в этой летописи действительно много, но скреплены они чисто механически. Тем не менее «Воскресенская летопись» представляется нам самым ценным историческим произведением из всех, ей современных или более ранних, так как она составлена без всякой тенденции и заключает в себе много сведений, которых нигде более не находим. Своею

В.М. Васнецов. Нестор Летописец

простою она могла не нравиться, безыскусственность изложения могла казаться убогою знатокам риторических приемов, и вот ее подвергли переработке и дополнениям и составили, к середине XVI же века, новый свод, называемый «Никоновской летописью». В этом своде мы видим много сведений, заимствованных из греческих хронографов, по истории греческих и славянских стран, летопись же о русских событиях, особенно о веках позднейших, хотя и подробная, но не совсем надежная, — точность изложения пострадала от литературной переработки: поправляя бесхитростный слог прежних летописей, невольно исказили и смысл некоторых событий.

В 1674 г. появился в Киеве и первый учебник русской истории — «Синописис» Иннокентия Гизеля, очень распространившийся в эпоху Петра Великого (он часто встречается и теперь). Если рядом со всеми этими переработками летописей поманем ряд литературно написанных сказаний об отдельных исторических фактах и эпохах (напр., Сказание кн. Курбского, повести о смутном времени), то обнимем весь тот запас исторических трудов, с которым Русь дожила до эпохи Петра Великого, до учреждения Академии наук в Петербурге. Петр очень заботился о составлении истории России и поручал это дело различным лицам. Но только после его смерти началась ученая разработка исторического материала и первыми деятелями на этом поприще явились ученые немцы, члены петербургской Академии; из них прежде всего следует назвать Готлиба Зигфрида Байера (1694—1738). Он начал с изучения племен, населявших Россию в древности, особенно варягов,

Ж. М. Наттье. Петр I в рыцарских доспехах. 1717 г.

но далее этого не пошел. Байер оставил после себя много трудов, из которых два довольно капитальных произведения написаны на латинском языке и теперь уже не имеют большого значения для истории России, — это «Северная География» и «Исследования о Варягах» (их перевели на русский язык только в 1767 г.). Гораздо плодотворнее были труды Герарда Фридриха Миллера (1705—1783), который жил в России при императрицах Анне, Елизавете и Екатерине II и уже настолько хорошо владел русским языком, что писал свои произведения по-русски. Он много путешествовал по России (прожил 10 лет, с 1733 по 1743 г., в Сибири) и хорошо изучил ее. На литературном историческом поприще он выступил как издатель русского журнала «Ежемесячные сочинения» (1755—1765) и сборника на немецком языке «Sammlung Russischer Gescihchte». Главною заслугою Миллера было соби́рание материалов по русской истории; его рукописи (так наз. Миллеровские портфели) служили и служат богатым источником для издателей и исследователей. И исследования Миллера имели значение, — он был одним из первых ученых, заинтересовавшихся позднейшими эпохами нашей истории, им посвящены его труды: «Опыт новейшей истории России» и «Известие о дворянах Российских». Наконец, он был первым ученым архивариусом в России и привел в порядок московский архив Иностранной коллегии, директором которого и умер (1783). Среди академиков XVIII в. видное место трудами по русской истории занял и Ломоносов, написавший учебную книгу русской истории и один том «Древней Русской истории» (1766). Его труды по истории были обусловлены полемикой с академи-

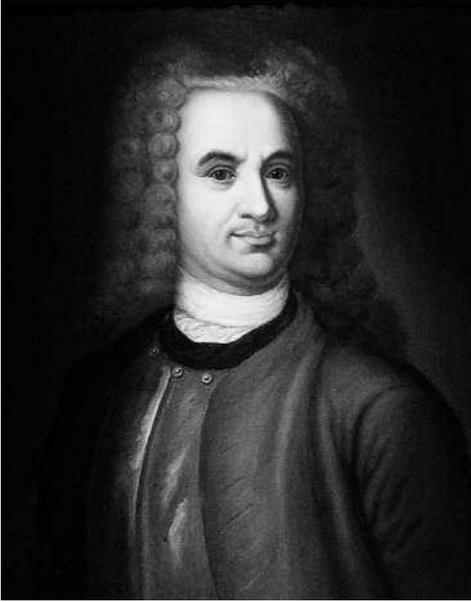
ками-немцами. Последние выводили Русь Варягов от норманнов и норманскому влиянию приписывали происхождение гражданственности на Руси, которую до пришествия варягов представляли страной дикою; Ломоносов же варягов признавал за славян и таким образом русскую культуру считал самобытной.

Названные академики, собирая материалы и исследуя отдельные вопросы нашей истории, не успели дать общего ее обзора, необходимость которого чувствовалась русскими образованными людьми. Попытки дать такой обзор появились вне академической среды.

Первая попытка принадлежит В. Н. Татищеву (1686—1750). Занимаясь собственно вопросами географическими, он увидел, что разрешить их невозможно без знания истории, и, будучи человеком всесторонне образованным, стал сам собирать сведения по русской истории и занялся ее составлением. В течение многих лет писал он свой исторический труд, перерабатывал его не один раз, но только по его смерти, в 1768 г., началось его издание. В течение 6 лет вышло 4 тома, 5-й том был случайно найден уже в нашем веке и издан «Московским обществом истории и древностей Российских». В этих 5-ти томах Татищев довел свою историю до смутной эпохи XVII в. В первом томе мы знакомимся со взглядами самого автора на русскую историю и с источниками, которыми он пользовался при ее составлении; мы находим целый ряд научных эскизов о древних народах — варягах, славянах и др. Татищев нередко прибегал к чужим трудам; так, напр., он воспользовался исследованием «О Варягах» Байера и прямо включил его в свой труд. История эта теперь, конечно, устарела, но научного значения она не потеряла, так как (в XVIII в.) Татищев обладал такими источниками, которых теперь нет, и следовательно, многие из фактов, им приведенных, восстановить уже нельзя. Это возбудило подозрение, существовали ли некоторые источники, на которые он ссылался, и Татищева стали обвинять в недобросовестности. Особенно не доверяли приводимой им «Иоакимовской Летописи». Однако исследование этой летописи показало, что Татищев только не сумел отнестись к ней критически и включил ее целиком, со всеми ее баснями, в свою историю. Строго говоря, труд Татищева есть не что иное, как подробный сборник летописных данных, изложенных в хронологическом порядке; тяжелый его язык и отсутствие литературной обработки делали его неинтересным для современников.

Первая популярная книга по русской истории принадлежала перу Екатерины II, но труд ее «Записки касательно Русской истории», доведенный до конца XIII в., научного значения не имеет и интересен только как первая попытка рассказать обществу легким языком его прошлое. Гораздо важнее в научном отношении была «История Российская» князя М. Щербатова (1733—1790), которой впоследствии пользовался и Карамзин. Щербатов был человек не сильного философского ума, но начитавшийся просветительной литературы XVIII в. и всецело сложившийся под ее влиянием, что отразилось и на его труде, в который внесено много предвзятых мыслей. В исторических сведениях он до такой степени не успевал разбираться, что заставлял иногда своих героев умирать по 2 раза. Но, несмотря на такие крупные недостатки, история Щербатова имеет научное значение благодаря многим приложениям, заключающим в себе исторические документы. Особенно интересны дипломатические бумаги XVI и XVII вв. Доведен его труд до смутной эпохи.

Случилось, что при Екатерине II некто француз Леклерк, совершенно не знавший ни русского государственного строя, ни народа, ни его быта, написал ничтож-

Василий Никитич Татищев

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет М. В. Ломоносова

ную «L'histoire de la Russie», причем в ней было так много клевет, что она возбудила всеобщее негодование. И. Н. Болтин (1735–1792), любитель русской истории, составил ряд заметок, в которых обнаружил невежество Леклерка и которые издал в двух томах. В них он отчасти задел и Щербатова. Щербатов обиделся и написал Возражение. Болтин отвечал печатными письмами и приступил к критике на «Историю» Щербатова. Труды Болтина, обнаруживающие в нем исторический талант, интересны по новизне взглядов. Болтина не совсем точно зовут иногда «первым славянофилом», потому что он отмечал много темных сторон в слепом подражании Западу, подражании, которое заметно стало у нас после Петра, и желал, чтобы Россия крепче хранила добрые начала прошлого века. Сам Болтин интересен как историческое явление. Он служил лучшим доказательством того, что в XVIII в. в обществе, даже у неспециалистов по истории, был живой интерес к прошлому своей родины. Взгляды и интересы Болтина разделял Н. И. Новиков (1744–1818), известный ревнитель русского просвещения, собравший «Древнюю Российскую Вивлиофику» (20 томов), обширный сборник исторических документов и исследований (1788–1791). Одновременно с ним, как собиратель исторических материалов, выступил купец Голиков (1735–1801), издавший сборник исторических данных о Петре Великом под названием «Деяния Петра Великого» (1-е изд. 1788–1790, 2-е 1837 г.). Таким образом, рядом с попытками дать общую историю России зарождается и стремление подготовить материалы для такой истории. Помимо инициативы частной, в этом направлении работает и сама Академия наук, издавая летописи для общего с ними ознакомления.

Но во всем том, что нами перечислено, еще мало было научности в нашем смысле: не существовало строгих критических приемов, не говоря уже об отсутствии цельных исторических представлений.